

околотка, не одинъ... Съ нимъ пріѣхала какая-то бойкая, вертлявая, нарумяненная дѣвица, — какъ оказалось потомъ, арфистка, подвизавшаяся въ одномъ увеселительномъ приволжскомъ саду. Щепоткинъ поселилъ ее съ собою во флигелѣ, на мѣсто Катьки, изгнанной въ людскую, напилъ ей великолѣпныхъ нарядовъ, шелковыхъ сарафановъ, бархатныхъ душегрѣекъ и строго-на-строго приказалъ дворнѣ величать ее „хозяюшкой“. Счастливыя времена настали для бывшей трактирной пѣвицы. Въ будни она съ утра до вечера спала и ѣла, по праздникамъ наряжалась и на лихой тройкѣ, въ лентахъ и бубенчикахъ, выѣзжала въ церковь, и скоро совершенно забрала въ руки строптиваго Астафія Ивановича. Онъ пересталъ пить, началъ прилично одѣваться, привелъ въ порядокъ свой „хлѣвъ“ и наглядѣться не могъ на свою „хозяюшку“, не зная чѣмъ ей угодить. Иногда онъ, по ея желанію, даже наряжался кучеромъ и, собственноручно управляя тройкой, каталъ пѣвицу по окрестностямъ... А она за это по вечерамъ тѣшила его забубенными напѣвами, подъ аккомпанементъ великолѣпной гармоникки, на которой она артистически играла. Такимъ образомъ, Щепоткинъ совершенно примирился съ потерей миллионной невѣсты и вполнѣ былъ доволенъ своей настоящей участію.

— Эхъ вы, соколики! — приговаривалъ онъ, проносясь на тройкѣ мимо паникской усадьбы. — Эхъ вы, не робѣйте! На нашъ вѣкъ денегъ хватить... Охъ, хватить! Не робѣй, Любашка, хватить!..

Онъ приподнимался на облучкѣ, помахивая кнутомъ надъ лошадьми; лошади вытягивались въ струнку, едва касаясь ногами земли; яркія ленты вились въ воздухѣ, захлебывался колокольчикъ и „Любашка“ заливалась громкимъ смѣхомъ. А Щепоткинъ все приговаривалъ: — Ой, хватить, соколики! Охъ, голубчики, хватить!..

Мимо паникской усадьбы Щепоткинъ ѣздилъ нарочно: онъ дѣлалъ это въ пику вдовѣ, промѣнявшей его на „голоногого молокососа“. И дѣйствительно, — его выходки производили впечатлѣніе въ „замкѣ Монъ-Реаль“. Обыкновенно это происходило во время вечерняго чая, за которымъ собиралось все семейство Полянскихъ, не исключая и Володи, который безотлучно сидѣлъ на Паникѣ. Какъ только со стороны завода раздавались прерывистые звуки колокольчика и дикое гиканье, Полянскій приказывалъ принести себѣ подзорную трубу и, облокотившись на перила террасы, принимался слѣдить за бѣшеной скачкой Щепоткина. Вслѣдъ за нимъ поднималась и вдова. Въ концѣ концовъ,